

ЕГИПЕТ В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

Р. Г. Харьковский

Луганский государственный университет имени Владимира Даля

Поступила в редакцию 12 сентября 2023 г.

Аннотация: исследуется роль Египетского пашалыка Османской империи в политике ведущих европейских государств первой трети XIX в. Изучается усиление французских позиций в судано-египетском субрегионе в начале XIX в., анализируется процесс постепенного проникновения Англии на территорию Египта, рассматривается роль региона во внешней политике Российской империи.

Ключевые слова: Александр I, Англия, Египет, Мухаммед Али, Николай I, Франция.

Abstract: *the article examines the role of the Egyptian pashalik of the Ottoman Empire in the politics of the leading European states of the first third of the XIX century. The strengthening of French positions in the Sudanese-Egyptian subregion at the beginning of the XIX century is studied, the process of gradual penetration of England into Egypt is analyzed, the role of the region in the foreign policy of the Russian Empire is considered.*

Key words: *Alexander I, England, Egypt, Mohammed Ali, Nicholas I, France.*

На протяжении нескольких столетий Египет был объектом соперничества европейских держав в арабо-османском мире. Причем первые планы захвата Египта зародились во Франции еще во время крестовых походов. Но начало активному военному проникновению Франции, Англии и ряда других государств в арабские провинции Османской империи положили экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет в 1798–1801 гг. Главной задачей этого предприятия был не столько захват самого Египта, сколько вытеснение англичан из стратегически важного для Франции восточно-средиземноморского региона. Для самого же Бонапарта стратегической целью также являлся Суэц, который был для него «суммой гигантского уравнения, решив которое, он планировал вырыть на египетской земле могилу английской торговли» [1, р. 45].

На рубеже XVIII–XIX вв. в Египте и регионе происходили сложные процессы, влиявшие на политику европейских государств на всем Ближнем Востоке. После французской экспедиции 1802 г. в Египет начался новый еще более напряженный этап в истории этой страны – период упорной борьбы османского египетского пашалыка с турками, мамлюками и англичанами, завершившийся изгнанием иноземцев и образованием фактически независимого египетского государства во главе с албанцем Мухаммедом Али, который основал династию, правившую затем в Египте до 1952 г. Как отмечает М. В. Орлова: «Процессы,

имевшие место в этот исторический период, во многом определили не только последующую историю Египта, Англии и Франции, но и современную жизнь этих стран и оказали влияние на современные исторические реалии» [2, с. 1].

Сложная и продолжительная борьба за власть и влияние в Северо-Восточной Африке развернулась прежде всего между Францией и Великобританией. К ним присоединилась и Россия, для которой Египет был интересен только как часть Порты, но этого требовали угрозы резкого изменения баланса сил в Средиземноморье (например, оккупация Мальты англичанами) и усиление влияния европейцев на политику Османской империи [3, с. 36].

Конкретно это проявилось в 1801–1802 гг., когда Россия возобновила дипломатические и экономические отношения с Англией, но, опасаясь усиления британского влияния в Турции и Восточном Средиземноморье, потребовала вывода английских войск с Мальты и из Египта. Попытка Александра I примирить спорящие стороны не принесла результатов. 13 мая 1803 г. Англия разорвала дипломатические отношения с Францией и 22 мая между двумя странами возобновились военные действия [4, р. 271]. В условиях усиления конкуренции со стороны европейских государств, а также учитывая опыт первой попытки Великобритании оккупировать Египет в 1803 г., Лондон заметно усилил роль дипломатии и пропагандистского обеспечения оккупации и британской колониальной деятельности в Египте.

В рассматриваемый период на Ближнем Востоке у Франции появился уже упоминавшийся не менее опасный противник, чем англичане, – Россия. С вос-

шествием на престол Александра I франко-русские отношения резко ухудшились. В отличие от своего отца Павла I, в качестве основного союзника русский царь рассматривал не Францию, а Англию. В неудавшейся египетской экспедиции и усилении французского влияния в Восточном Средиземноморье новый российский монарх усматривал прямую угрозу южным рубежам России. Когда Наполеон добивался от Порты пропуска военных судов в Черное море, мотивируя это необходимостью защиты торгового судоходства от пиратов, министр иностранных дел России А. Р. Воронцов (1741–1805) направил посланнику в Стамбуле А. Я. Италинскому инструкцию о необходимости настаивать в Турции на запрещении предоставления данного права Франции: «...не сходствовало бы и с нашими интересами, чтоб какой-либо военный флот, кроме нашего и турецкого, появиться мог на Черном море... Черное море иначе почитать не должно как озером или морем запретным, в которое и входу другого нет, как через канал, и владение коего принадлежит только тем державам, кои берегами своими оно окружают» [5, с. 96].

В Петербурге и Лондоне с тревогой наблюдали за укреплением франко-турецкой дружбы. Российские и английские послы в Стамбуле выступили с протестом против того, что султан признал Наполеона императором и турецким падишахом, однако Селим III не изменил своего решения [6, р. 83]. Сознавая ослабление русского влияния в Стамбуле, Александр I предложил Порте проект наступательно-оборонительного союза, а также выступил с требованием признать его покровителем и защитником всего православного населения Османской империи с правом вмешательства от имени царя, предоставленного российскому послу. Требование российского монарха сильно уязвило гордость мусульман и подтолкнуло султана, по наущению французского посла, к изгнанию из Валахии и Молдавии двух пророссийски настроенных господарей-фанариотов [7, р. 263].

В Лондоне и Петербурге туркам недвусмысленно дали понять, что российская армия и британский флот готовы выступить со дня на день. Селим III, хотя и ощущал поддержку Франции, все же опасался вступать в борьбу одновременно с двумя такими серьезными противниками, как Англия и Россия, и поэтому был готов пойти на компромисс. Однако русские войска без предварительного объявления войны захватили территорию Молдавии и Валахии, продвинулись до Бухареста и были готовы переправиться через Дунай [8, р. 183]. Порте ничего не оставалось, как начать ответные военные действия. В этой русско-турецкой войне, развязанной усилиями чрезвычайного и полномочного посла Франции Франсуа Себастиани, Англия выступила на стороне России.

В 1807 г. в Мраморное море вошел британский флот под командованием адмирала Декуорта. Англичане в ультимативной форме потребовали сдачи турецкого флота, а в случае невыполнения этого требования угрожали уничтожить его и подвергнуть обстрелу Стамбул. Правительство Порты, прибегнув к дипломатической хитрости, втянуло Декуорта и английского посла в десятидневные переговоры, что позволило французским инженерам усилить оборону Стамбула и установить артиллерийские орудия. Порта успела отвести свой флот на безопасное расстояние, а французские военные инженеры восстановили оборонительные сооружения в Дарданеллах [9, р. 214], где отправившаяся в обратный путь английская эскадра потеряла два корабля, обстрелянных французами при проходе через пролив.

Британское правительство направило в Египет военный контингент под командованием генерала Фрейзера с целью создания плацдарма для отпора возможному вторжению французских войск [10, с. 37]. Однако при попытке оккупации Александрии и некоторых других важных стратегических пунктов Фрейзер столкнулся с новым пашой Египта – Мухаммедом Али (1769–1849), пятитысячный албанский отряд которого наголову разбил английский экспедиционный корпус [11, с. 130]. После этой неудачной попытки англичан закрепиться в Египте ситуация на Востоке в целом благоприятствовала осуществлению новой попытки французского вторжения в Египет.

После побед над четвертой антифранцузской коалицией и заключения Тильзитского мира (25 июня 1807 г.) по настоянию французской стороны между Францией и Россией 9 июля 1807 г. было подписано дополнительное соглашение о выводе русских войск из бухты Катаро и с Ионических островов, поступавших в полную собственность Наполеона. Соглашение имело для Франции важное значение, поскольку, с одной стороны, давало Наполеону необходимые для реализации планов в отношении Египта военно-морские базы в Средиземноморье, а с другой – ослабляло позиции России в данном регионе. Значительно возросла активность парижской дипломатии и в Персии, куда незадолго до этого была направлена военная миссия, имевшая целью подготовить почву для французского вторжения на Средний Восток [12, с. 470–473]. В Эрфурте между российским и французским императорами была подписана секретная конвенция (12 октября 1808 г.), в которой оба монарха договаривались о разграничении сфер влияния в Европе и на Востоке [13, с. 204–207]. Тем не менее планам французского монарха не суждено было осуществиться, так как Наполеон не сумел добиться от Александра I обещания поддержки своих планов в отношении как Европы, так и Востока. Хотя эрфуртская встреча внешне прошла в довольно дружествен-

ной обстановке и закончилась подписанием союзной конвенции, в действительности же «дружеские» отношения между двумя странами начали остывать [7, р. 478]. Опасаясь нового объединения держав против Франции, Наполеон был вынужден отложить восточный поход и сконцентрировать все свои войска в Европе.

После разгрома Наполеона и реставрации власти Бурбонов во Франции вопрос о покорении Египта более чем на десятилетие отошел на задний план. Но после смерти Людовика XVIII и восхождения на французский престол Карла X (1757–1836) внешнеполитическая линия Парижа изменилась. Правительство Карла X взяло курс на сближение с Россией с целью ослабления международного влияния Англии. Однако революция 1830 г. и приход к власти Луи-Филиппа (1773–1850) ознаменовались разного рода уступками ради сохранения «сердечного согласия» с Англией [6, р. 104, 117; 14, р. 11–13].

Не имея в этот период возможности для оккупации Египта, Франция стала оказывать помощь египетскому паше – Мухаммеду Али, предоставляя ему денежные займы, поставляя оружие и направляя квалифицированные военные кадры [15, с. 130]. Парижские университеты открывали двери для египетских и турецких студентов, прививая им, наряду со знаниями в гуманитарных и точных науках, любовь ко всему французскому – говоря языком XXI в. Франция использовала методы «мягкой силы». Оказывая подобную поддержку Мухаммеду Али и инвестируя значительные средства в экономику Египта, в Париже рассчитывали подчинить страну своему влиянию. Вскоре политико-экономические связи Франции с Египтом стали настолько тесными, что Версаль влиял уже не только на характер и объем египетского экспорта и импорта, оснащение армии и флота, но и на формирование внешней политики Каира.

Стойкие симпатии египетского правителя к Франции и усиление его власти при поддержке последней вызывали обоснованные опасения и в Лондоне, и в Петербурге. Николай I (1796–1855) полагал, что в случае мятежа Мухаммеда Али, который не замедлит поддержать Франция, центробежные тенденции охватят и другие части Порты, что «вызовет всеобщее недовольство, возродит надежды янычар и подготовит Османской империи роковую катастрофу» [16, с. 205]. На Сенатской площади считали, что если Мухаммед Али разрушит Османскую империю, на ее обломках он создаст новое государство, политика которого, по большей части, будет формироваться в Париже. В этом случае у России появился бы сосед «сильный и победоносный вместо соседа слабого побежденного», что отнюдь не отвечало интересам державы на Востоке. «Завоевание Турции Мухаммедом Али, – говорил министр иностранных дел России К. В. Нес-

сельроде, – могло бы возродить новые силы в этом упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы...» [17, с. 2].

К 1830-м гг. правители большинства колониальных государств ясно осознали тот факт, что Египет является одним из наиболее важных стратегических регионов. Францию и Великобританию Египет привлекал в первую очередь тем, что являлся важным пунктом на пути к Индии. Установление контроля над данной территорией со стороны одного из государств (либо Франции, либо Англии) значительно изменило бы баланс сил в районе Средиземноморья. Кроме того, географическое положение Египта было «чрезвычайно благоприятно для ведения транзитной торговли» [18, с. 214], так как через Александрийский порт проходило большое количество морских путей. По сути, на начало XIX в. Египет являлся центром торговли в Северо-Восточной Африке и одним из связующих звеньев с Индией, в связи с чем контроль над египетским регионом сулил огромные выгоды его хозяевам.

Кроме того, из Египта можно было оказывать значительное влияние на политику Порты, идея раздела которой постепенно проникала в правящие круги великих держав. Для России сам Египет не имел особого значения, однако с учетом того, что существовал риск захвата данной территории либо Францией, либо Великобританией, в Петербурге, при угрозе резкого изменения баланса сил, предпочитали не оставаться безучастными наблюдателями англо-французского колониального соперничества и при любой возможности старались не допустить монополизации Средиземноморья одним государством.

Таким образом, к началу 30-х г. XIX в. у Франции в ближневосточном регионе определились два основных соперника – Англия и Россия, столкновение с которыми было неизбежно и вскоре переросло в открытый конфликт. Разжигание Версалем честолюбивых амбиций Мухаммеда Али подталкивало последнего к открытой борьбе за отделение Египта от остальной части Османской империи.

Поводом к конфликту между Стамбулом и Каиром послужил отказ султана Махмуда II (1784–1839) выполнить данное им Мухаммеду Али обещание передать последнему под управление Сирию и Крит в качестве возмещения за помощь, оказанную египетскими войсками в подавлении греческого восстания. В 1831 г. египетский правитель официально заявил о своем выходе из подчинения султану и направил войска в Южную Сирию [19, с. 63]. Вначале мятеж египетского паши воспринимался в Европе как внутренняя проблема Турции и не вызывал в европейских столицах особого беспокойства. Однако по мере того как турецкие войска терпели одно поражение за другим, а Мухаммед Али все более откровенно выдвигал

свои требования, становилось ясно, что война египетского паши против султана выходит далеко за рамки внутренних проблем Стамбула и даже может привести к падению Османской империи. Поскольку судьба Порты уже давно стала одной из наиболее острых международных проблем, турецко-египетский конфликт вовлек в дипломатическую борьбу в большей или меньшей степени практически все великие европейские державы.

В битве при Конии, состоявшейся в декабре 1832 г., сын Мухаммеда Али генерал Ибрагим-паша практически полностью уничтожил турецкую армию. Прямая угроза расчленения Османской империи вынудила султана Махмуда II обратиться за помощью к европейским державам. Однако лорд Пальмерстон, возглавлявший в то время внешнеполитическое ведомство Великобритании, не проявлял склонности к оказанию поддержки, поскольку еще не определился, чью сторону принять в начавшемся противостоянии [20, р. 282]. И хотя в конечном итоге глава Форин-оффиса пришел к убеждению, что в сложившейся ситуации, «в интересах всей Европы и Великобритании прежде всего», следует оказать поддержку Махмуду II в его борьбе против мятежного вассала, с отправкой средиземноморской эскадры к берегам Стамбула он не торопился [21, с. 85].

Официальная позиция Лондона в отношении турецко-египетского конфликта была несколько прояснена в депеше Форин-оффис (5 декабря 1832 г.) английскому поверенному в Стамбуле Мандевиллю, которому предписывалось выразить глубокое сожаление британского правительства по поводу «агрессии Мухаммеда Али». Но в то же время добавлялось, что для оказания реальной помощи Турции существуют «серьезные затруднения» [22, л. 349]. «Затруднения» заключались в позициях Франции и России, связывать с которыми свои действия дипломаты с Даунинг-стрит отнюдь не собирались. Поэтому кабинет Ч. Грея (1764–1845) отказал султану в просьбе о помощи. В Петербурге крайне не желали разрушения Османской империи и были готовы оказать реальную помощь, но не ранее чем от Порты будет получена официальная просьба о помощи [там же].

Позиция французского кабинета Перье в отношении турецко-египетского конфликта была неоднозначной. С одной стороны, Июльская монархия не имела ни малейших намерений помочь султану в борьбе с пашой, поскольку это противоречило интересам французской буржуазии, давно облюбовавшей Египет и Сирию как будущую сферу своего влияния. Поэтому после формальной попытки примирить конфликтующие стороны (предпринятой, впрочем, лишь после появления русской военной эскадры в Босфоре), французский посол в Турции адмирал Руссен заявил султану, что, несмотря на все свое

желание помочь Порте, «Франция не может предложить ни флота, ни сухопутных войск» [там же, л. 354].

Более того, Руссен сделал неожиданный для султана вывод, заявив, что в сложившихся условиях «нет другого средства предотвратить катастрофу, кроме как пойти на все условия Мухаммеда Али, какими бы жестокими они ни были» [там же, л. 354–355]. С другой стороны, в Париже не желали допустить усиления в Стамбуле позиций любой другой европейской державы, в особенности России. Поэтому, когда Махмуд II, оказавшись в отчаянном положении, официально обратился за помощью к Николаю I, российские боевые корабли появились в Босфоре. Французское министерство иностранных дел во главе с генералом Себастиани обратилось к Османскому Дивану с просьбой об удалении русских судов из пролива, не обещая, вместе с тем, какой-либо поддержки взамен [23, р. 191]. Поскольку просьба не была выполнена, Версаль предпринял попытку договориться с Лондоном о совместных дипломатических действиях против России. Однако, учитывая тот факт, что ни одна из держав не была готова к открытому конфликту с Петербургом, дипломатические маневры министерств Пальмерстона и Себастиани не принесли желаемого результата.

Тогда Франция, обеспокоенная появлением в Босфоре российского флота, предприняла ряд других мер. В частности, попыталась убедиться в том, что русские войска будут на Босфоре лишь определенное количество времени, и, как только Россия поможет сохранить Османской империи статус-кво, Петербург отзовет войска из Порты. А для большей уверенности в том, что Россия не станет прибегать к каким-либо действиям, которые могут заметно пошатнуть сложившийся баланс сил, послом Франции в Константинополь был направлен адмирал Руссен с инструкциями «всеми средствами не допустить того, чтобы русские оккупировали Константинополь с согласия Порты» [24, р. 366]. Последний прибыл в Османскую империю в тот момент, когда посланный Россией отряд уже прибыл на место назначения, поэтому присутствие французского адмирала уже не играло особой роли. Однако в Петербурге собирались придерживаться ранее данного слова о том, что никаких оккупационных действий со стороны России не следует, поэтому пребывание ее войск на территории Османской империи, обусловленное военной угрозой со стороны Египта, носило сдерживающий характер. В то же время присутствие иностранной армии на территории другого государства оказывало весьма сильное политическое влияние, в связи с чем, оставшись в безвыходном положении, Махмуд II вынужден был принять военную помощь от России [22, л. 405].

Это один из редких случаев во взаимоотношениях этих государств, поэтому остановимся на нем чуть

подробнее. Откликнуться на просьбу Махмуда II о помощи Россию подтолкнуло два обстоятельства. В Петербурге сочли, что ослабленная Турция, отношения с которой строились на выгодных для России условиях Адрианопольского мирного договора 1829 г., предпочтительнее сильного, амбициозного государства, которое Мухаммед Али мог бы создать на обломках Османской империи [25, с. 487; 26, с. 335]. Вторая причина – слухи, распространившиеся среди татар Крыма в 1832 г., о скором пришествии египетского паши Мухаммеда Али, который победит русских и завладеет Крымом. Российская власть, всегда опасавшаяся собственных мусульман, была всерьез обеспокоена египетской агитацией среди них, которая осуществлялась в первую очередь во время хаджа [27].

В ноябре 1832 г. генерал Н. Н. Муравьев-Карсский был направлен императором Николаем I в Константинополь и Александрию, чтобы потребовать от египетского паши прекратить поход на Стамбул с целью захвата власти. Дипломатическая миссия Муравьева была подкреплена 30-тысячным русским отрядом и флотилией для защиты султана. Турецкое правительство, напуганное египетской агрессией, предложило России заключить союзный договор о дружбе и взаимопомощи, который был подписан в 1833 г. и известен как Ункьяр-Искелесийский договор, ставший крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке. Вмешательство России озадачило Францию, рассчитывавшую реализовать свои планы в связи с обострением турецко-египетских отношений. Оказывая действенную помощь Мухаммеду Али, стремившемуся к достижению полной независимости Египта, в Париже, вместе с тем, не готовы были единолично инициировать распад Османской империи, опасаясь непредсказуемых последствий этого процесса [28].

Окончательное урегулирование конфликта, состоявшееся 5 мая 1833 г. и зафиксированное подписанием Кютахийского соглашения между султаном и египетским пашой, не могло привести к длительному миру, поскольку не устраивало ни одну из сторон. Причиной тому служили условия, на которых был заключен мир. Согласно соглашению, Мухаммед Али прекращал вооруженное наступление и эвакуировал свои войска из Малой Азии, однако Порты теряла значительную часть территорий: под властью Египта оставались Ливан, Палестина, Сирия, Крит и Киликия. Мирное соглашение было непрочным, так как не устраивало ни участников конфликта, ни сторонних наблюдателей. С одной стороны, Махмуд II не мог примириться с потерей значительной части своих владений и лелеял мысль о реванше. С другой стороны, паша Египта не получал главного – полной независимости от своего суверена. Кютахийское со-

глашение не устраивало также ни Францию, ни Великобританию. Новое военное столкновение являлось лишь вопросом времени и, как впоследствии оказалось, очень недолгого.

Однако настоящую тревогу в Лондоне и Париже вызвало заключение 8 июля 1833 г. русско-турецкого Ункьяр-Искелесийского (по названию местности) союзного договора сроком на восемь лет. Договор, состоявший из 6 статей и секретной части, был заключен специально прибывшим графом А. Ф. Орловым, который был назначен полномочным послом при султанском дворе и начальником сухопутных и морских сил России, находившихся в Босфоре. Согласно условиям документа, Турция и Россия обязывались согласовывать свои действия «касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности» и помогать друг другу в случае нападения третьей державы. Николай I обязывался прийти на помощь Порте сухопутными и морскими силами. В секретной статье говорилось о предоставлении военной поддержки России, которая сводилась к закрытию Дарданелльского пролива для иностранных военных судов по требованию Петербурга [5, с. 115–119]. По своей сути это был оборонительный русско-турецкий союз, однако для Франции, как и для Англии, он являлся тревожным фактом резкого усиления влияния России в Османской империи.

После заключения Ункьяр-Искелесийского договора влияние западных государств на Порту на время значительно ослабло. Причем если ряд менее заинтересованных европейских государств, таких как Австрия и Пруссия, приняли соглашение вполне рационально, то правительства Франции и Великобритании отреагировали довольно остро. Английский и французский флот провели показательную демонстрацию у берегов Турции, чем заметно встревожили Россию и показали, что они не намерены мириться с ее преобладающим влиянием на Порту. В то же время подобное мероприятие продемонстрировало отсутствие понимания французскими и английскими политиками русско-турецких отношений, не имевших под собой прочной экономической основы и возникших лишь в те критические моменты, когда Порты нуждалась в военной поддержке.

После показательной демонстрации английского и французского флота дальнейших действий со стороны Франции не последовало, так как в целом результаты турецко-египетского конфликта для Франции были благоприятными. Во-первых, Франция не утратила свои позиции в Стамбуле. Во-вторых, переход Сирии, Киликии и Крита под власть дружественно настроенного к Парижу Мухаммеда Али значительно расширял сферу политического и экономического влияния Франции на Ближнем Востоке. В-третьих, Июльской монархии, положение которой

было достаточно шатким, удалось не только избежать открытой конфронтации с Великобританией, но и заручиться поддержкой последней в борьбе против России. В-четвертых, Ункяр-Искелесийский договор привел к обострению англо-русских отношений, что также было в интересах Парижа. Такой исход побуждал французское правительство к сохранению статуса-кво, чтобы избежать каких-либо изменений и потрясений, имеющих возможность повлечь за собой внутренние конфликты в государстве.

Однако, наряду с этими благоприятными для Версаля обстоятельствами существовало и одно неблагоприятное. Турецко-египетский конфликт (1831–1833 гг.) продемонстрировал остальным европейским державам истинные намерения Франции в отношении стран Леванта, что не могло не вызвать сильного беспокойства как в Лондоне, так и в Петербурге. Открытая поддержка Францией Мухаммеда Али и стремление прочно закрепиться в Египте и Сирии положили начало англо-русскому сближению в «восточных делах», что в дальнейшем имело для Парижа негативные последствия [12, с. 559].

Несмотря на то что Кютахийское соглашение между Махмудом II и Мухаммедом Али ознаменовало собой прекращение военного конфликта, оно не привело к прочному миру. В 1833 г. были заложены серьезные противоречия между Стамбулом и Каиром относительно распределения власти, влияния и территорий. С одной стороны, султан не мог смириться с потерей значительной части своих владений и жаждал реванша. С другой – египетский паша не достиг основной своей цели – полной независимости. Кютахийский мир с самого начала был обречен носить временный характер.

Подписание этого договора, оцененное остальными великими державами как несомненный дипломатический успех России, послужило поводом к обострению отношений между Петербургом и Лондоном. После 1833 г. между двумя странами наблюдался «вооруженный мир», длившийся около пяти лет. В этот период Г. Пальмерстон (1784–1865) в частном письме (апрель 1834 г.) следующим образом охарактеризовал англо-русские взаимоотношения: «С Россией все по-прежнему – мы ненавидим и рычим друг на друга, хотя ни та, ни другая сторона не хочет войны» [29, р. 77].

Такое положение вещей не могло не радовать Париж. Будучи весьма довольным результатами турецко-египетского конфликта 1831–1833 гг., правительство Июльской монархии старалось использовать русско-британские противоречия для усиления французского влияния в Египте и Сирии. Оказывая всестороннюю поддержку египетскому паше во время конфликта с Турцией, французский кабинет теперь стремился получить от Мухаммеда Али как можно

больше привилегий для французских торговых компаний, тем самым не только укрепляя позиции французского капитала в странах Леванта, но и вытесняя другой иностранный капитал.

Французское правительство стремилось, по мере возможного, достичь компромисса с Великобританией, которую в то время считало гораздо менее опасным соперником, нежели Россию. И хотя усилия парижской дипломатии не принесли желаемого результата, это наглядно свидетельствовало о стремлении Франции не обострять «восточный вопрос».

Подобная позиция неудивительна, ведь существовавшее положение вещей вполне устраивало Париж. К середине 1830-х гг. практически половина территории Османской империи находилась во власти Мухаммеда Али, а вместе с тем – и в зоне доступа французского капитала. Французские компании в Египте находились в привилегированном положении, что позволяло им успешно конкурировать с торговыми компаниями других европейских государств. В то же время влияние Версаля на политику Каира носило преобладающий характер.

В конечном итоге именно победа Мухаммеда Али толкнула великие державы к активному вмешательству в урегулирование ближневосточного конфликта. Ни Франция, ни Великобритания явно не хотели, чтобы Россия смогла продлить Ункяр-Искелесийский договор, срок которого истекал в 1841 г., а Мухаммед Али – развить свои военные успехи. Основной целью западноевропейских государств было ликвидировать Ункяр-Искелесийский договор и заменить его на общеевропейский, который должен был решить проблему проливов и лишить Россию доминирующего влияния на политику Османской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Charles-Roux F. Bonaparte, Gouverneur d’Egypte / F. Charles-Roux. – Paris : Methuen and co., ltd., 1935. – 374 p.*
2. *Орлова М. В. Египет в конце XVIII – начале XIX века : начало англо-французского противостояния в регионе : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Орлова. – М., 2003. – 16 с.*
3. *Гринин Л. Е. Политические процессы в османском Египте XVI–XVIII вв. и теория развитого государства / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2007. – № 1. – С. 3–49.*
4. *Frewen W. England and France in the Mediterranean 1660–1830 / W. Frewen. – L. : S. Low, Marston, 1901. – 362 p.*
5. *Нежинский Л. Н. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Л. Н. Нежинский, А. В. Игнатьев. – М., 1999. – 560 с.*
6. *Hoskins H. L. British Routes to India / H. L. Hoskins. – L. : Octagon Books, 1966. – 494 p.*

7. *Kinross J. P. G. B.* The Ottoman centuries. The rise and fall of the Turkish empire / J. P. G. B. Kinross. – N. Y. : Morrow, 1977. – 638 p.
8. *Anderson M. S.* The Eastern Question 1774–1923. A study in international relations / M. S. Anderson. – L. : Macmillan, 1966. – 436 p.
9. *Condamine P. de.* France-Angleterre : Le grand corps a corps maritime / P. de. Condamine. – Paris, 1987. – 458 p.
10. *Бурьян М. С.* Египет во внешней и колониальной политике Великобритании / М. С. Бурьян. – Луганск : Ин-т востоковедения РАН, Луганск. гос. пед. ин-т им. Т. Г. Шевченко Восточноукр. ун-та, 1994. – 167 с.
11. *Олдридж Дж.* Каир / Дж. Олдридж. – М. : Молодая гвардия, 1970. – 302 с.
12. История дипломатии : в 5 т. / под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова. – М. : Госполитиздат, 1959–1963. – Т. 1. – 896 с.
13. Талейран. Мемуары. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 415 с.
14. *Hall J.* England and the Orleans Monarchy / J. Hall. – London : Smith, Elder and Co., 1912. – 451 p.
15. *Ерофеев Н. А.* Английский колониализм в середине XIX в. / Н. А. Ерофеев. – М. : Наука, 1977. – 256 с.
16. *Тагицев С. С.* Внешняя политика Николая I. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны / С. С. Тагицев. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1887. – 639 с.
17. *Муравьев Н. Н.* Русские на Босфоре в 1833 г. / Н. Н. Муравьев. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1869. – 462 с.
18. *Таньшина Н. П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы июльской монархии / Н. П. Таньшина. – М. : Прометей, 2005. – 511 с.
19. *Hanotaux G.* Histoire de la nation egyptienne / G. Hanotaux. – Paris : Plon, 1931. – Vol. 4. – 457 p.
20. *Webster Ch. K.* The foreign policy of Palmerston 1830–1841 / Ch. K. Webster. – London : Bell, 1951. – Vol. 1. – 914 p.
21. *Baker R. L.* Palmerston and the Treaty of Unkiar Skelessi / R. L. Baker // The English Historical Review. – L., 1928. – Vol. XLIII. – P. 83–89.
22. Архив внешней политики Российской империи Историко-документального управления МИД РФ (далее – АВРИ). – Ф. № 137. Отчеты МИД России, 1830–1916 гг. – Оп. 475. За. – Д. № 2. Отчет о деятельности МИД за 1831 и 1832 гг.
23. *Puryear V. J.* France and Levant. From the Bourbon restoration to the peace of Kutiah / V. J. Puryear. – Berkeley : University of California Press, 1941. – 252 p.
24. *Thureau-Dangin P.* Histoire de la monarchie de juillet : in 7 vol. / P. Thureau-Dangin. – Paris : Plon, 1888. – Vol. 2. – 438 p.
25. *Еремеева Т. В.* Заключительный этап египетского кризиса 1831–1833 гг. и великие державы / Т. В. Еремеева // Ученые записки по новой и новейшей истории. – 1956. – Вып. 2. – С. 475–518.
26. *Петрунина Ж. В.* Социально-экономическое и политическое развитие Египта в период правления Мухаммеда Али в российской общественно-политической мысли XIX в. : дис. ... д-ра ист. наук / Ж. В. Петрунина. – М., 2008. – 514 с.
27. *Зайцев И. В.* «Вражды рифмы» : первый египетский кризис, хадж из Крыма и египетская пропаганда среди крымских татар в 1832 г. / И. В. Зайцев, А. А. Крол // Восток (Oriens). – 2016. – № 5. – С. 91–104.
28. *Муртузалиев С. И.* Дипломатическая миссия генерала Н. Н. Муравьева в Египет и Турцию / С. И. Муртузалиев // Диалог со временем. – М. : Аквилон, 2014. – С. 267–293.
29. *Rodkey F. S.* The Turko-Egyptian Question in the Relations of England, France and Russia, 1832–1841 / F. S. Rodkey // Thesis... for the degree of Doctor of Philosophy in History. – Illinois : Urbana, 1921. – 294 p.

Луганский государственный университет имени
Владимира Даля

Харьковский Р. Г., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории

E-mail: wwwrylan@mail.ru

Luhansk State University named after Vladimir Dal
Harkovskij R. G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History
E-mail: wwwrylan@mail.ru